

— А домашнее задание где?

Хань Линь вчера ушёл рано. Впрочем, этот парень в любое время суток выглядел одинаково: высокомерный, холодный, с вечным выражением полного безразличия на лице. Словно и не человек вовсе, а какой-то мутант, которому не нужно ни спать, ни есть, ни пить — достаточно лишь учиться, чтобы поддерживать жизнедеятельность. Линь Цзунцзе ни разу не видел, чтобы тот хотя бы зевнул.

Для парня у него была на удивление светлая, почти прозрачная кожа. Ни намёка на тёмные круги под глазами. Да если даже разглядывать его лицо под увеличительным стеклом, вряд ли отыщешь хоть одну расширенную пору.

Линь Цзунцзе тупо уставился на протянутую ладонь учебного старосты. Он долго хлопал глазами, пытаясь сообразить, чего от него хотят, и наконец выдавил из себя глупейший вопрос:

— Какое ещё задание?

— По литературе — выучить наизусть «Песнь пипы». По математике — решить три задачи по теории вероятностей и математической статистике на пятьдесят седьмой странице. По английскому — написать эссе на тему спорта, не меньше трёхсот слов. По биологии — седьмой тренировочный вариант по теме генетических мутаций и рекомбинаций. По физике — третий вариант по сложению и разложению сил. По химии... по химии ничего не задали. Кстати, ты периодическую таблицу элементов хотя бы полностью помнишь? Это вообще-то программа средней школы.

Линь Цзунцзе ответил лишь гробовым молчанием.

— Водород, гелий, литий, бериллий, бор? Углерод, азот, кислород, фтор, неон? — приподнял бровь Хань Линь. — Ничего не говорит?

Цзунцзе продолжал молчать, чувствуя, как внутри закипает глухое раздражение.

— Что такое аш-два-о, знаешь? А аш-два-о-два?

Снова тишина.

— Ты хоть что-нибудь знаешь?

— Я...

— Учи сейчас же. После уроков приду и проверю.

С этими словами Хань Линь безошибочно вытянул учебник литературы из кривой, заваливающейся набок стопки на парте Линь Цзунцзе. Спокойно, без лишних эмоций раскрыл его на нужной странице, где красовался текст «Песни пипы», положил перед ним и, подхватив стопку собранных тетрадей, зашагал прочь.

Линь Цзунцзе остался стоять столбом, ошарашенно глядя ему вслед и не зная, как реагировать на этот выпад.

Сидящий впереди Сун Чэн обернулся. Из его рта, набитого едва прожёванным паровым пирожком с говядиной, вывалилось:

— Президент, ты как умудрился нашего учебного старосту разозлить?

— Да когда я успел?! — взорвался Цзунцзе. — Я при виде него вообще стороной обходить готов, какой дурак станет на рожон лезть?

— Если ты его не трогал, с чего он тогда над тобой издевается? — Сун Чэн наконец проглотил кусок и вытер рот тыльной стороной ладони. — Учебный староста, конечно, парень холодный, но яд со своей колокольни никогда раньше просто так не разбрызгивал.

— Издевается? — Линь Цзунцзе нахмурился, лихорадочно прокручивая в голове недавний разговор. — И в каком месте он надо мной издевался?

— Ну как же. Прямо в лицо заявил, что ты водород от гелия не отличишь.

Цзунцзе угрюмо промолчал.

— Мать твоя женщина... — выдохнул Сун Чэн, округлив глаза. — Президент, ты что, реально не знаешь?

— Ну не знаю я, и что с того?! — рявкнул Цзунцзе, багровея. — Если человек эту херь наизусть не помнит, он уже не человек, что ли? Ты на что намекаешь, ублюдок? По-моему, это ты сейчас надо мной издеваешься!

— Сдаюсь, сдаюсь! Не виноват я! — Сун Чэн мгновенно вскинул руки, закрывая голову. — Мне просто чертовски интересно, как ты, великий наш президент, вообще умудрился в старшую школу поступить с такими знаниями.

— Да за бабки я сюда поступил, ясно тебе? Хрен я клал на эти учебники!

С этими словами Линь Цзунцзе с треском захлопнул книгу. Его баскетбольный мяч обычно лежал за мусорным ведром в углу. Учебного старосты в классе не было, староста класса

служил лишь мебелью для галочки, так что связываться с этим громилой-спортсменом, который непонятно каким чудом затесался в ключевой класс, никто не рискнул. Линь Цзунцзе вальяжно подхватил мяч под мышку и развязной походкой вышел в коридор.

А ведь в том, что касалось бега на длинные дистанции, Линь Цзунцзе действительно был самородком.

В самый первый день после перевода, когда он пришёл на стадион знакомиться с тренером по физподготовке, ему хватило сделать всего два круга по дорожке. Тренер тогда чуть не расплакался от восторга, разглядывая рельеф его ног, идеальную технику шага и невероятную скорость.

— Если парень подтянет теорию, — уверял физрук, — то без проблем поступит в любой ведущий спортивный вуз страны.

«Если подтянет теорию...»

Звучало многообещающе, вот только Цзунцзе в плане учёбы был практически дремучей тайгой. Его успеваемость находилась на уровне глубокого, беспросветного дна: по родному языку он кое-как натягивал жалкие шестьдесят баллов, а за остальные пять предметов, вместе взятые, дай бог наскребал ещё столько же. Алфавитную песенку на английском он завывал без запинки, но стоило попросить его написать заглавные и строчные буквы — путал их нещадно. На экзаменах этот оболтус просто тыкал наугад в тесты, а письменную часть игнорировал полностью. Разве что по литературе мог накатать сочинение, если вставал с утра с той ноги.

Методы обучения в престижной Первой средней школе в корне отличались от тех, к которым Цзунцзе привык в своём прежнем учебном заведении, где на учеников все давно махнули рукой. Здесь никто не собирался ставить крест даже на самом безнадёжном лоботрясе. Отличников толкали вперёд, а отстающих пытались занять хоть чем-то полезным, развивая их скрытые таланты. К Линь Цзунцзе, как к ученику со спортивной специализацией, классный руководитель — учитель Ян, которого ученики за глаза звали Лао Банем, — тоже решил проявить особое внимание.

Поэтому, когда Хань Линь принёс очередную стопку тетрадей в учительскую, Лао Бань лично преградил ему путь.

— Линь Цзунцзе снова ничего не сдал?

— Да, — лаконично подтвердил Хань Линь.

— И как он это объяснил на этот раз?

Классный руководитель девятого класса готовился уйти на заслуженный покой сразу после того, как этот поток сдаст выпускные экзамены. Старичок он был почтенный, с абсолютно седой головой и забавной привычкой поправлять сползающие на кончик носа очки раз по десять за фразу. Однако колоссальный педагогический опыт не пропьешь: зная о бурном прошлом новенького хулигана, Лао Бань ни разу не вызвал к себе на ковёр этого «национального рекордсмена по отчислениям».

— Вчера он сказал, что забыл тетрадь дома, — ответил Хань Линь. — А сегодня... я даже спрашивать не стал.

— Присаживайся, Линь-Линь, — мягко произнёс учитель Ян. Он отложил красную ручку, которой только что исправлял ошибки в контрольных, и заботливо пододвинул учебному старосте стул. — Настоящий учитель должен верить, что безнадёжных детей не бывает. Перед тем как попасть к нам, этот мальчик сменил несколько школ. Ни один классный руководитель из двадцати двух параллельных классов не согласился взять его к себе. Его собирались оставить на второй год в десятом классе, но я лично настоял на том, чтобы зачислить его в наш девятый. Как думаешь, почему?

Хань Линь едва заметно вскинул брови. На языке так и вертелось: «Потому что перед пенсией вам приспичило поиграть в спасителя заблудших душ, и профессиональная гордость не позволила захлопнуть дверь перед носом этого куска мусора». Но вслух он, разумеется, ничего подобного не произнёс.

— Цзунцзе — неплохой парень, — продолжал старик. — Просто запущенный. Физические данные у него выдающиеся. Я говорил с его тренером. Тот уверяет, что если Линь сдаст нормативы хотя бы на девяносто пять баллов, а по общеобразовательным предметам наберёт минимальный проходной для бакалавриата, перед ним откроются двери лучших спортивных академий страны.

— Проходной балл на бакалавриат? — Хань Линь едва сдержал скептическую усмешку.

Да этот придурок даже Периодическую таблицу элементов выучить не в состоянии! Если он на экзаменах в сумме хотя бы две сотни баллов наскребёт — это уже будет чудом библейского масштаба, а старик мечтает о проходном пороге!

Хань Линь промолчал лишь из уважения к сединам заслуженного педагога. Ему не хотелось ранить старика ядовитыми замечаниями. Классный руководитель всю жизнь пахал как проклятый, засиживался дотемна, буквально засыпал над тетрадями и отдавал все силы, чтобы взрастить эти «юные бутоны». За долгие годы работы у него не было ни одного безнадёжного случая. Лао Бань гордился стопроцентной статистикой поступления своих выпускников в вузы.

Но на Линь Цзунцзе эта идеальная статистика, похоже, должна была с треском сломаться.

В отличие от некоторых скрытых гениев, которые дрыхнут на уроках, а по ночам зубрят дома, этот лоботряс действительно плевать хотел на учёбу. Хань Линь ни разу не видел, чтобы

Цзунцзе просидел хотя бы один урок с открытыми глазами.

Обычно сценарий повторялся с пугающей точностью: стоило прозвенеть звонку, как уже минуты через три великан начинал клевать носом. Он тяжело закрывал глаза, он пару раз безуспешно пытался встрепенуться, а затем окончательно погружался в сон.

— Будущее наших детей — в наших руках, — проникновенно заговорил учитель Ян, вновь поправляя очки. — Мы не имеем права опускать руки. Даже если сам ребёнок на себя махнул, учитель обязан бороться до конца. Это наш профессиональный долг. Настоящее мерило таланта педагога — не сухие цифры статистики поступлений, а то, какими людьми станут наши выпускники. Важно, чтобы, шагнув во взрослую жизнь, они ни о чём не жалели, не оборачивались назад с обидой и с теплотой вспоминали тех, кто был с ними рядом в школьные годы.

— Я понял, учитель. Если он снова уснёт на уроке, я его разбужу.

— И даже если он наотрез откажется сдавать тетради, ты всё равно требуй. Не давай ему расслабляться.

Хань Линь покорно кивнул и вышел из душного кабинета.

Честно говоря, Хань Линь считал, что классрук просто лезет из кожи вон ради тех, кому его забота даром не сдалась. Старик вечно взваливал на себя чужие проблемы, тратил нервы на неблагодарных оболтусов, а в ответ не получал даже простого «спасибо». Девятый класс и раньше пополнялся «проблемными элементами», но предыдущий экземпляр превзошёл все мыслимые границы. Линь Цзунцзе на его фоне выглядел сущим ангелом: он хотя бы просто тихо спал на задней парте, строго придерживаясь принципа «не трогай меня, и я тебя не трону», благодаря чему мирно сосуществовал с одноклассниками.

Предыдущий же хулиган устраивал дебоши чуть ли не ежедневно, умудряясь распускать руки и на сверстников, и на учителей.

Ради того отброса Лао Бань ежедневно бегал по домашним визитам, пытался наладить отношения парня с учителями и сверстниками, но никто его стараний не оценил. В конце концов этот ублюдок просто съездил пожилому человеку по лицу, разбив нос в кровь. Только после этого, устав от бесконечных жалоб, руководство школы соизволило отчислить мерзавца.

Казалось бы, ушёл — и скатертью дорога. Зачем наступать на те же грабли после побоев?

Но для их классного руководителя, переполненного обострённым чувством справедливости, такой финал казался недопустимым. Он обивал пороги администрации, вымаливая прощение для хулигана, караулил его у подъезда и читал многочасовые нотации каждому, кто подворачивался под руку. К счастью, Хань Линь всегда числился в любимчиках, учился блестяще и вёл себя тише воды, ниже травы, так что на себе подобную заботу не испытывал.

Его личный ад в учительской длился от силы минут десять, после чего его с миром отпускали.

Вернувшись в класс, Хань Линь обнаружил, что соседа и след простыл. Спрашивать дорогу у Сун Чэна он не стал — просто молча переставил свой стул на место беглеца, поменяв их парты местами.

Пропавший с самого утра спортсмен соизволил явиться только к вечерней самоподготовке. Он ввалился в кабинет, принес с собой волну мужских гормонов. Хань Линь даже не успел скривиться от отвращения, как боковым зрением уловил эпичную картину: Линь Цзунцзе, зажав мяч под мышкой и засунув свободную руку в карман брюк, шёл к своей парте. Парень был настолько грязным, словно его только что вытащили из болота, где он вручную сажал рис.

— Ты какого хрена за моим столом забыл? — угрюмо буркнул Цзунцзе, останавливаясь перед ним.

— Мы поменялись местами, — спокойно ответил Хань Линь и слегка придвинул свой стул к столу, освобождая проход. — Мне так удобнее выходить к доске. Проходи.

— Тебе удобнее? А мне? Мне теперь прикажешь через парту прыгать?

— Какая разница? Ты всё равно почти все уроки спишь, а остальное время проводишь на стадионе. Так что этот обмен выгоден всем. Не думал, одноклассник Линь, что ты окажешься настолько мелочным, чтобы устраивать сцену из-за такой ерунды.

«Я, между прочим, проявил невиданное великодушие и целую неделю не трогал тебя с домашкой»

Линь Цзунцзе шумно выдохнул сквозь зубы.

Этот Хань Линь был настоящей занозой в заднице. Цзунцзе не считал себя отпетым хулиганом, но терпеть подобное самоуправство не собирался. Будь на месте учебного старосты какая-нибудь симпатичная девчонка — он бы и слова не сказал. Но этот высокомерный чистоплюй, который дня не мог прожить, чтобы не задеть его, и вечно смотрел на всех свысока... С какой стати Цзунцзе должен потакать его капризам?

Мяч с глухим, тяжёлым стуком ударился о деревянный пол и высоко подскочил. Сидящий рядом Сун Чэн вздрогнул от неожиданности и рефлекторно поймал оранжевую сферу, не дав ей покатиться по классу.

— Эй, президент, остынь, — примирительно зашептал Сун Чэн, крепко прижимая мяч к груди. — Учебный староста правда хотел сначала с тобой обсудить, да тебя весь день не было. Ему и впрямь неудобно каждый раз через парту перелезать, когда он тетради собирает. А ты как завалишься дрыхнуть на полпрохода, так мимо тебя вообще не протиснуться. Не кипятись,

дело-то житейское.

Если судить чисто по физическим данным, Хань Линь рядом с рассерженным великаном казался лёгкой добычей. Линь Цзунцзе был широк в плечах и высок ростом, и хотя учебный староста тоже не жаловался на физическое развитие, на фоне этого бугая он выглядел хрупким. Разница в ауре буквально давила Хань Линя к земле.

Заметив, что одноклассник закипает не на шутку, Хань Линь неторопливо отложил ручку и поднял холодный, непроницаемый взгляд на возвышающегося над ним Цзунцзе.

— Разозлился? — ровным голосом спросил Хань Линь. — Если хочешь решить вопрос кулаками, давай дождёмся окончания уроков. Устроишь драку в классе — никакие отцовские деньги тебя от исключения не спасут. К тому же здесь девочки, незачем их пугать. Садись на место, потом поговорим.

— Свали в сторону, — глухо прорычал Линь Цзунцзе, едва сдерживая ярость.

Хань Линь не стал испытывать его терпение. Он молча собрал свои тетради, пересел на внутреннее место у стены и углубился в чтение.

Сун Чэн, понаблюдав за этой сценой, облегчённо выдохнул. Зная непошибаемый, мягкий снаружи, но твёрдый внутри характер их учебного старосты, он сразу понял: драки не будет. Спрятав баскетбольный мяч президента под свою парту, он со спокойной душой вернулся к прерванному занятию — мучить сложную геометрическую задачу.

<http://bllate.org/book/18229/1751697>